

УДК 821.161.1-312.1.09(045)

*Л.В. Дубаков***БУДДИЙСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Л.А. ЮЗЕФОВИЧА:
МОРТАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ И КУЛЬТУРНЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ**

В статье анализируются особенности и функции обращения Л.А. Юзефовича к буддийским погребальным обрядам в романах «Князь ветра» и «Журавли и карлики», а также в повести «Песчаные всадники». Погребальный обряд в «Князе ветра» позволяет писателю обозначить близость и разность двух культур (монголо-буддийской и русской) в том, как они видят религиозно-политическую реальность. Погребальный обряд, совершённый над бароном Унгерном в повести «Песчаные всадники» и отсылающий к романтизированным писателем образам «Тибетской книги мёртвых» и «Дхаммапады», указывает на внутреннюю суть героя и тех исторических обстоятельств, в которых он существовал, а также на их будущее, на их духовные перспективы. Мортальные образы заупокойных практик и молитв в «Песчаных всадниках» и «Журавлях и карликах» у Юзефовича оказывают воздействие на окружающий мир, сквозь который начинает просвечивать трансцендентная реальность.

Ключевые слова: буддизм, погребальные обряды, мортальные образы, культурные параллели, буддийская этика, трансцендентный пейзаж.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1383-1388

Русская литература последних десятилетий, как и литература начала XX в., проявляет интерес к буддизму. Один из современных писателей, в творчестве которого широко представлена эта религия — в виде соответствующих образов и мотивов, философских положений, буддийски мотивированных персонажей и проч., — это Л.А. Юзефович. В представленном исследовании анализируется обращение писателя к буддийским погребальным обрядам в романах «Князь ветра» и «Журавли и карлики», повести «Песчаные всадники». Творчество Юзефовича рассматривается в рамках концепции «буддийского текста» русской литературы [3; 7-9], разрабатываемой на основе открытий В.Н. Топорова, касающихся «петербургского текста» [17].

В романе Юзефовича «Князь ветра» после гибели Найдан-вана ламы везут его тело для захоронения на родине, так как лучшее погребение для него, родившегося в год обезьяны, — «предать его тело воздушной стихии, среднее — огненной, худшее — водяной» [20, с. 149] (это синтаксически схожая, но неточная, изменённая цитата из книги А.М. Позднеева «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу»: «Относительно способа погребения рекомендуется как самое лучшее закапывать труп в землю, среднее — полагать его в воздухе и худшее — бросать в воду» [15, с. 468]). Поэтому, как говорится в книге, «Наибольшую опасность для таких мертвецов представляют злобные водяные духи» [18, с. 149], и ламы при переправе через реки проводят ритуалы с целью умиловить этих духов: «Духи русских рек так или иначе признавали власть Белого царя, и тем самым их официально ставили в известность, что из Петербурга велено без помех пропустить тело князя на родину» [20, с. 149] (титул «Белый царь» в данном случае означает не только восприятие монгольскими и тюркскими народами русских царей в качестве независимых государей, но и признание буддистами, связанными с российской государственностью, русских царей, начиная с Екатерины II, воплощениями Белой Тары [12; 18]). Этот эпизод на первый взгляд кажется комичным, салтыково-щедринским из-за как бы формального подхода, но по сути то, что описывается, с буддийской точки зрения, верно и необходимо. Речь здесь идёт о лу, или нагах, владыках водных стихий [13, с. 495] («Или как не высыхают озера, местопребывание наг, таково и озеро рождений, где пребывают наги омрачений» [6, с. 51]), которые обладают непростым характером и могут причинить вред, если будет потревожена среда их обитания, а они сами не задобрены. Во время ритуала Луусад сжигаются подношения нагам [13]. Юзефович таким образом обозначает в романе одну из множественных связей между русской и монголо-буддийской культурами, показывая одновременно разность их религиозно-политических восприятий реальности и духовное единство [11].

Ещё один буддийский обряд, связанный со смертью, можно увидеть в повести «Песчаные всадники». В журнальном издании повести от 1984 г. Цырен-Доржи, в последующих изданиях — Найдан-

Доржи, проводит заупокойную практику над местом погребения барона Унгерна. Сама практика отражается в пространстве: так, перед тем, как лама разведёт костёр, на котором должны будут сгорать грехи барона, писатель обозначит, что «В домишках на окраине розовым закатным огнём полыхали окна» и «запах тления витал над пустырём» [21, с. 43]. Состояние промежутка, или бардо [14, с. 115-116], предполагает, что умерший встречается с проекциями своего сознания: запах тления проникает в сознание не через ноздри, а через глаза. У Юзефовича посмертие принесшего множество разрушений и смертей миру Унгерна как бы проецируется в земное пространство: на пустыре громоздится мусор, лежит битое стекло и скотьи кости, валяется искалеченный венский стул (барон родился в Австрии: «В плену Унгерн сказал, что не считает себя русским патриотом, и своей «родиной» назвал Австрию. Действительно, родился он не на Даго, как обычно указывается, а в австрийском Граце» [23, с. 46]). В изданиях 2001 и 2012 гг. Юзефович уточняет, что черенок от лопаты, которой закапывали тело барона, не просто валялся возле могилы, но был воткнут в глину «вместо креста» [22, с. 92]. Наряду с последующим сравнением этого черенка в повести с осиновым колом, интересно и то, что слово «черенок» имеет значение не только рукоятки орудия, но и отрезка корня, отделяемого для вегетативного размножения, иными словами, для начала новой жизни.

Суть обряда, который проводит Найдан-Доржи, в помощи сознанию умершего обрести будущее благое рождение. Лама посредством ритуального зеркала, или мелонга, которое символизирует чистое сознание и пустотность реальности [4, с. 204], и созданного скорпиона, или дигпа, что символизирует разрушительную злобу и разнообразные дурные деяния [4, с. 170], пытается уничтожить омрачения своего ученика — барона Унгерна. Слова его молитвы соотносятся с образами «Дхаммапады» («Плоть твоя подобна пене на воде...» [20, с. 93] — «Знающий, что это тело подобно пене, понимающий его призрачную природу...» [10, с. 93]) и с последними словами Будды Шакьямуни: «Всё собранное на земле истощается... высокое падает... живое умирает... соединённое разъединяется...» [20, с. 93] — «Воистину, о монахи, заявляю вам, что природа всех составных вещей состоит в невечности и они вынуждены распадаться. Всё рождённое непременно умрёт. С усердием стремитесь к совершенству и полному прекращению волнения дхармо-частиц, которое является высшим блаженством» [2, с. 145]. Найдан-Доржи заклинает стихии: «Пусть огонь победит деревья... вода победит пламя...» [20, с. 93], что соотносится с фрагментом из «Бардо Тхёдол», где «Опыт предсмертных состояний, в которые всё глубже погружается умирающий, описывается <...> в категориях пяти элементов, составляющих тело. <...> когда элемент воды растворяется в элементе огня, замечает, что начинает останавливаться кровообращение. <...> Наконец, сознание растворяется в центральном нади (канале), и возникает чувство внутренней ясности, внутреннего света, вслед за которым внешние процессы умирания уступают место внутренним» [16, с. 17].

Согласно «Тибетской книге мёртвых», на четвёртый день пребывания в бардо сознание умершего видит Будду Амиабху, источающего красный свет и дарующего возможность спасения («Красный свет скандхи восприятия в своей изначальной чистоте — мудрость различения, сверкающе-красная, украшенная дисками света, чистая и яркая, резкая и ослепительная, — устремится к тебе из сердца Амиабхи и его супруги и пронзит твоё сердце так, что глазам твоим нестерпимо будет взирать на него. <...> взмолись ему с благоговейной преданностью, помышляя так: “Это луч сострадания Благословенного Амиабхи; я найду в нём прибежище”. Это сияющий крюк сострадания Благословенного Амиабхи» [16, с. 55]). Юзефович в «Песчаных всадниках», сохраняя память об образах «Бардо Тхёдол», создаёт другие образы, описывающие процесс трансформации сознания барона Унгерна: вместо скандхи, то есть собрания дхармо-частиц [13, с. 723], восприятия, что пронзит сердце умершего в «Тибетской книге мёртвых», в повести изображен божественный тростник, что «пронизет могильную глину» [20, с. 94], вместо «сияющего крюка сострадания» [15, с. 55] — луч, по которому душа барона умчится, «как пуля по ружейному стволу» [20, с. 94]. Таким образом, растительно-сотериологическая метафора, связанная с образом черенка лопаты, найдёт здесь своё продолжение: образ «ослепительно сияющего и полого внутри» луча, который автор сравнит с «божественным тростником» и по которому душа барона Унгерна отправится к звёздам [20, с. 94], равно как и его военная прижизненная стезя.

Образы «Бардо Тхёдол» отражаются также в романе «Журавли и карлики». Жохов рассказывает Кате о «Тибетской книге мёртвых», о том, «как важно увидеть Ясный Свет в первый день после смерти и стремиться к нему, не обманываясь другими огнями, более красивыми и яркими» [19, с. 342–343]. В самом же конце романа, когда Жохов «уже почти полсуток был мёртв, плыл в потустороннем мраке, невесомый, лёгкий как пух от уст Эола» («Тут возможен новый виток смысла: будет ли у Жохова новое

рождение или оно уже свершилось в теле так похожего на него обаятельного плутоватого Баатара? Или Жохов избыл свою карму, достиг освобождения (мокши)?» [1]), «ему предстояло увидеть Ясный Свет и узнать его среди обманных огней, гораздо более красивых и ярких» [19, с. 474]. И снова, как в некоторых других произведениях Юзефовича (рассказ «Убийца», стихотворение «Бурхан»), образы буддийских практик отражаются в пейзаже: «Они ещё не появились перед ним, сейчас его окружала тьма, а здесь повсюду, куда ни глянь, лился с небес ясный свет золотого сентябрьского дня» [19, с. 474].

В конце романа «Князь ветра» монгольские ламы в Петрограде читают молитву, в переводе Зудина, «о лучшей жизни для всех нас»: «Да укротится всякое зло, поставляющее преграды телу, духу и слову о муках рождения, болезни, старости и смерти...» [20, с. 268]. Эта молитва — составная часть Зула Хурала, служения, посвящённого памяти ухода в Нирвану одного из великих буддийских святых — Дже Цонкапы [5]. В ней произносятся просьбы к буддам и бодхисаттвам о даровании различных благ. Юзефович опирается здесь на труд А.М. Позднеева, несколько изменяя и помещая молитву в другой контекст: так, и сама практика, и время её чтения (весна) не совпадают с тем, в честь чего она читается и когда (25-й день первого зимнего месяца по лунному календарю): «После принесения этой лампы я и все одушевлённые существа / да избавимся от мук трёх злополучных судеб; / да избавимся от мук рождения, старости, болезни и смерти; / да избавимся от мук жара, холода, голода и жажды; / да избавимся от мук неимения и всякого рода бедности; / да избавимся от мук распрей и ссоры <...> Да укротится всякое зло, поставляющее преграды приросту животных, скота и домашнего скарба! / Да укротится всякое зло, поставляющее преграды увеличению молока, масла и творога! / Да укротится всякое зло, поставляющее преграды накоплению сока плодов и полевым растениям! / Да укротятся всякие бедствия и несчастия, во главе которых болезни людей этого мира, болезни скота, споры, распри и смуты раздоров!» [15, с. 378].

В романе эта молитва заканчивается восклицанием: «Да укротится всякое зло, поставляющее преграды увеличению молока, масла и творога...» [20, с. 268]. У Сафронова эти слова вызывают но-стальгическую улыбку, но за пределами «Князя ветра» в не переведённом Зудиным продолжении молитвы (цитируется выше) говорится о прекращении смуты, и в этом смысле фрагменты Зула Хурала звучат в романе уместно и своевременно.

Итак, Л. А. Юзефович обращается в своей прозе к буддийским погребальным обрядам. Эти обряды могут у него выступать в качестве маркера сходств и различий между русской и монголо-буддийской культурами в аспекте религиозно-политического восприятия реальности. Образы «Дхаммапады», «Тибетской книги мёртвых», Зула Хурала, возникающие в связи с заупокойными обрядами и художественно переосвоенные, отчасти романтизированные писателем, позволяют ему сформулировать этическую оценку героя, который при жизни был погружён во зло, и высказаться о сложной и во многом насильственной исторической трансформации России, совершившейся в 1917 году. Образы, связанные со смертью и её преодолением, у Юзефовича оказывают воздействие на окружающую реальность, трансцендируя, смягчая или, напротив, омрачая, в частности, пейзаж.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашева М.П. *Ход слоном, или Почему роман Леонида Юзефовича «Журавли и карлики» получил премию «Большая книга»*. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_192 (дата обращения: 21.06.2023).
2. Андросов В.П. *Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов*. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 508 с.
3. Бекметов Р.Ф. *Русская литература 1830-60-х годов в зеркале восточных (буддийских и даосских) традиций*: дис. ... д-ра филолог. наук. Казань, 2019. 411 с.
4. Бир Р. *Энциклопедия тибетских символов и орнаментов / пер. с англ. Л. Бубенковой*. М.: Ориенталия, 2011. 428 с.
5. Буддийский праздник Зула Хурал. Справка. URL: <https://ria.ru/20091210/198455949.html>
6. Васубандху. *Абхидхарма*. Гл. III, близкий к тексту перевод с тибетского на русский язык, подготовка тибетского текста, примечаний и таблиц Б.В. Семичова и Н.Г. Брянского. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. 259 с.
7. Дубаков Л.В. Буддийские аспекты образа барона Р.Ф. Унгерна фон Штернберга в повести «Песчаные всадники» Л.А. Юзефовича // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 483. С. 16-23.
8. Дубаков Л.В. Концепции буддийской пустотности и иллюзорности в романе Л.А. Юзефовича «Князь ветра» // *Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология*. 2022. Т. 32, вып. 5. С. 1085–1092.

9. Дубаков Л.В. Человек как буддийская мнимость в романе Л.А. Юзефовича «Журавли и карлики» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27, № 4. С. 669-676.
10. Дхаммапада / пер. с пали, введение и комментарии В.Н. Топорова; отв. ред. Ю.Н. Рерих. М: Изд-во Восточной литературы, 1960. 160 с.
11. Ишимбаева Г.Г. Фаустовский сюжет в буддийской транскрипции («Князь ветра» Л. Юзефовича) // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2013. № 6. С. 147–149.
12. Копьёв Я. «Белый царь»: почему буддисты хотят признать Медведева воплощением божества. URL: https://aif.ru/politics/world/belyu_car_pochemu_buddisty_hotyat_priznat_medvedeva_voploscheniem_bozhestva (дата обращения: 21.06.2023).
13. Намжилов О. Луусад — кому мстят наги, и как их умиловать. URL: <http://asiarussia.ru/buddhism/12019/> (дата обращения: 21.06.2023).
14. Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Энциклопедия буддизма. СПб.: Институт метафизики, 2007. 928 с.
15. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Изд. репринтное. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1993. 512 с.
16. Тибетская книга мёртвых / с комментариями Франчески Фримантли и Чогьяма Трунгпы; перевод с английского А. Блейз, В. Рынкевич. М.: София, 2003. 115 с
17. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. С. 259-367.
18. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: <http://www.vchi.net/brokgauz/> (дата обращения: 21.06.2023).
19. Юзефович Л.А. Журавли и карлики: роман. М.: АСТ : Астрель, 2009. 477 с
20. Юзефович Л.А. Князь ветра. М.: Вагриус, 2001. 272 с.
21. Юзефович Л.А. Песчаные всадники // Уральский следопыт. 1984. №9. С. 34–49.
22. Юзефович Л.А. Песчаные всадники. М.: Зебра Е, ЭКСМО, Деконт +, 2002. 220 с
23. Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. Барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 588 с.

Поступила в редакцию 28.06.2023

Дубаков Леонид Викторович, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета
 Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
 518172, Китай, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн,
 улица Гоцзидасюэюань, 1
 E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

L. V. Dubakov

BUDDHIST FUNERAL RITES IN THE WORKS OF L. YUZEFOVICH: MORTAL IMAGES AND CULTURAL AND ETHICAL MEANINGS

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1383-1388

The article analyzes the features and functions of L. Yuzefovich's appeal to Buddhist funeral rites in the novels "Prince of the Wind" and "Cranes and Dwarfs", as well as in the story "Sand Riders". The funeral rite in the «Prince of the Wind» allows the writer to point out the proximity and difference of two cultures (Mongolian-Buddhist and Russian) in how they see the religious and political reality. The funeral rite performed over Baron Ungern in the story "Sand Riders" and referring to the images romanticized by the writer of the "Tibetan Book of the Dead" and "Dhammapada" indicates the inner essence of the hero and the historical circumstances in which he existed, as well as their future, their spiritual prospects. The mortal images of funeral practices and prayers in "Sand Riders" and "Cranes and Dwarfs" by Yuzefovich have an impact on the surrounding world, through which transcendent reality begins to shine through.

Keywords: Buddhism, funeral rites, mortal images, cultural parallels, Buddhist ethics, transcendental landscape.

REFERENCES

1. Abasheva M.P. Hod slonom, ili Pochemu roman Leonida Yuzefovicha «Zhuravli i karliki» poluchil premiyu «Bol'shaya kniga» [The Elephant Move, or Why Leonid Yuzefovich's novel "Cranes and Dwarfs" received the "Big Book" award]. Available at: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_192 (Accessed: 21 June 2023) (In Russian).
2. Androsov V.P. Budda Shak'yamuni i indijskij buddizm. Sovremennoe istolkovanie drevnih tekstov [Shakyamuni Buddha and Indian Buddhism. Modern interpretation of ancient texts]. Moscow, Publishing Company "Oriental Literature" of the Russian Academy of Sciences, 2001. 508 p. (In Russian).
3. Bekmetov R.F. Russkaya literatura 1830–60-h godov v zerkale vostochnyh (buddijskih i daosskih) tradicij [Russian literature of the 1830s-60s in the mirror of Eastern (Buddhist and Taoist) traditions]. Dissertation of the Doctor of Philology. Kazan, 2019. 411 p. (In Russian).
4. Bir R. Enciklopediya tibetskih simbolov i ornamentov [Encyclopedia of Tibetan symbols and ornaments]. Translated from English by L. Bubenkova. Moscow, Orientalia, 2011. 428 p. (In Russian).
5. Buddijskij prazdnik Zula Hural. Spravka [Buddhist holiday Zula Hural. Reference]. Available at: <https://ria.ru/20091210/198455949.html> (Accessed: 21 June 2023) (In Russian).
6. Vasubandhu. Abhidharma [Abhidharma]. Chapter III. A close translation from Tibetan into Russian, preparation of the Tibetan text, notes and tables by B.V. Semichov and N.G. Bryansky. Ulan-Ude, Buryat Book Publishing House, 1980. 259 p. (In Russian).
7. Dubakov L.V. Buddijskie aspekty obraza barona R.F. Ungerna fon Shternberga v povesti «Peschanye vsadniki» L.A. Yuzefovicha [Buddhist aspects of the image of Baron R.F. Ungern von Sternberg in the story «Sand Riders» by L.A. Yuzefovich] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University], 2022a, 483. Pp. 16-23. (In Russian).
8. Dubakov L.V. Konceptii buddijskoj pustotnosti i illyuzornosti v romane L.A. Yuzefovicha «Knyaz' vetra» [Concepts of Buddhist emptiness and illusory in L.A. Yuzefovich's novel «Prince of the Wind»] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya [Bulletin of the Udmurt University. History and Philology series], 2022b, Vol. 32, 5. Pp. 1085-1092. (In Russian).
9. Dubakov L.V. Chelovek kak buddijskaya mnimost' v romane L.A. Yuzefovicha «Zhuravli i karliki» [Man as a Buddhist imaginary in L.A. Yuzefovich's novel "Cranes and Dwarfs"] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2022c, vol. 27, 4. Pp 669-676. (In Russian).
10. Dhammapada [Dhammapada]. Translated from Pali, introduction and comments by V.N. Toporov; responsible editor Yu.N. Roerich. Moscow, Publishing House of Oriental Literature, 1960. 160 p. (In Russian).
11. Ishimbaeva G.G. Faustovskij syuzhet v buddijskoj transkripcii («Knyaz' vetra» L. Yuzefovicha) [Faustian plot in Buddhist transcription ("Prince of the Wind" by L. Yuzefovich)] // Interpretaciya teksta: lingvisticheskij, literaturovedcheskij i metodicheskij aspekty [Interpretation of the text: linguistic, literary and methodological aspects], 2013, 6. Pp. 147-149. (In Russian).
12. Kop'ov Ya. «Belyj car'»: pochemu buddisty hotyat priznat' Medvedeva voploshcheniem bozhestva [The "White Tsar": why Buddhists want to recognize Medvedev as the incarnation of a deity]. Available at: https://aif.ru/politics/world/belyj_car_pochemu_buddisty_hotyat_priznat_medvedeva_voploshcheniem_bozhestva (Accessed: 21 June 2023) (In Russian).
13. Namzhilov O. Luusad — komu mstyat nagi, i kak ih umilostivit' [Luusad — to whom the nagas are taking revenge, and how to propitiate them]. Available at: <http://asiarussia.ru/buddhism/12019/> (Accessed: 21 June 2023) (In Russian).
14. Neapolitanskij S. M., Matveev S. A. Enciklopediya buddizma. [Encyclopedia of Buddhism]. St. Petersburg, Institute of Metaphysics Publ., 2007. 928 p. (In Russian).
15. Pozdneev A.M. Oчерки byta buddijskih monastyrej i buddijskogo duhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu [Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the relations of this latter to the people]. Reprint edition. Elista, Kalmyk Book Publishing House, 1993. 512 p. (In Russian).
16. Tibetskaya kniga myortvyh [The Tibetan Book of the Dead]. With comments by Francesca Fremantle and Chogyam Trungpa; translated from English by A. Blaze, V. Rynkevich. Moscow, Sofia, 2003. 115 p. (In Russian).
17. Toporov V.N. Peterburg i «Peterburgskij tekst russkoj literatury» [Peterburg and the "Peterburg text of Russian literature"]. In Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe [Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Favorites]. Moscow, Publishing group "Progress" — "Culture". Pp. 259-367. (In Russian).
18. Enciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona [Encyclopedic Dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. Available at: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (Accessed: 21 June 2023) (In Russian).
19. Yuzefovich L.A. Zhuravli i karliki [Cranes and dwarfs]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2009. 477 p. (In Russian).
20. Yuzefovich L.A. Knyaz' vetra [Prince of the wind]. Moscow, Vagrius Publ., 2001. 272 p. (In Russian).
21. Yuzefovich L.A. Peschanye vsadniki [Sand riders]. Ural'skij sledopyt [Ural pathfinder], 1984, 9. Pp. 34–49. (In Russian).

22. Yuzefovich L. A. Peschanye vsadniki [Sand riders]. Moscow, Zebra E, EKSMO, Dekont + Publ., 2002. 220 p. (In Russian).
23. Yuzefovich L.A. Samoderzhec pustyni. Baron R. F. Ungern-Shternberg i mir, v kotorom on zhil [The Autocrat of the desert. Baron R. F. Ungern-Sternberg and the world in which he lived]. Moscow, AST Publishing House, Edited by Elena Shubina, 2019. 588 p. (In Russian).

Received 28.06.2023

Dubakov L.V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Faculty of Philology
Shenzhen MSU-BIT University
No. 1, International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District,
Shenzhen, Guangdong Province, PRC, 518172
E-mail: dubakov_leonid@mail.ru